

ВСТРЕЧА В ДОМЕ ИСКУССТВ

14 июля в Доме искусств любители современной литературы встретились с молодыми, но уже опытными писателями Полиной Корицкой, Борисом Пейгиным и Ларисой Мареевой. Выступающие – наши земляки, ученики Александра Казанцева и Александра Рубана, участники Всероссийских форумов молодых писателей, победители и лауреаты различных литературных конкурсов. На встрече в Доме искусств они поделились своим поэтическим творчеством, представили уже вышедшие и будущие книги. Фольклорные

мотивы Полины Корицкой дополнялись урбанистическими наблюдениями Бориса Пейгина, переплетаясь с медитативными текстами Ларисы Мареевой. Совместное выступление, проходящее в игровой форме ассоциаций, держало слушателей в лирическом напряжении. Накануне в библиотеке «Сибирская» молодые литераторы прочли отрывки из своих новых прозаических произведений, написанных в различных жанрах (история о школьной любви, сказка, роман).

Полина КОРИЦКАЯ

Станет луковка смоковницей

Поэт, прозаик, детский писатель, автор-исполнитель. Родилась в г.Томске. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Ученица Александра Казанцева, после школьных лет - Юрия Кузнецова и Елены Исаевой.

Автор книг «Самокрутки» (проза, контркультура, 2014) и «Симптомы быта» (поэзия, 2019).

Член Союза писателей Москвы и Интернационального Союза писателей.

Победитель фестиваля молодой поэзии «Филатов-Фест» 2019.

Лауреат премии «Начало» Союза Писателей Москвы 2019.

Лауреат премии «Справедливая Россия» 2020 (поэзия).

Лонг-лист премии «Дебют» (малая проза, 2011).

Лонг-лист VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Лонг-лист XV, XVI Волошинского конкурса по поэтическим номинациям. Участник и стипендиат форумов молодых писателей ФСЭИП.

Лонг-лист премии «Лицей» 2019, 2020 и 2021 (поэзия).

Лонг-лист премии «Двенадцать» 2020 (поэзия).

Живет в Москве.

Море, море, приём: я рыба.
Полоснул мне щеку крючок.
И ублюдская тёмная лыба
Растекается горячо.

У меня изнутри — удущье,
А снаружи — острее льда —
Убивающая подушка
(Убивающая вода).

Посмотри на мою улыбку
И немеющие глаза.
Я гляжу, как ползет улитка
То ко мне, то совсем назад,

Как взбирается на листочек,
Похищает губами сок.
И хрустальный мой позвоночник
Полируется о песок.

Пожалуйста, соберись.
Сосредоточься. Закрой глаза,
Или, наоборот, открой.
Примени все известные техники,
Стань Гаутамой, позже
Можешь назваться Буддой.

Впрочем, о Господи, что я несу, просто:
Читай меня как можно внимательней.
Сейчас я расскажу, что будет дальше,
Когда мы встретимся в следующий раз.

Отсчет начинается с первого платья.
Мы вместе нарезаем простой салат,
Фаршируем яйца, делаем заливное.
Новый год — первое, что мы не встретили.
Пока бьют куранты, успею переодеться.
Ты, пожалуйста, тоже смени футболку.
День святого Валентина — пошлятина,
Но доктор сказал закрывать гештальты.

Достань заготовленное серебряное сердечко,
Надень мне на шею, сомкни замочком,
Целуй мне руки. Да, так, хорошо.
Теперь надевай фуражку.
Помнишь? — Праздник берет за горло
И шепчет «празднуй».
Не возражай, ты защитник,
И должен принять мой дар.

После этого немедленно одевайся,
Иди за тюльпанами, заодно докупил спиртного.
У нас остается... Нет, не волнуйся,
Ты не опоздаешь на рейс,
Работает таймер.
На каждый праздник
Пятнадцать минут.

Ну вот, пока ты ходил в магазин,
Закончился март, а я окончательно постарела.
Спасибо за песню ко дню рождения,
Это был удивительно быстрый год.

В мае мы отпразднуем выпускные
Наших необщих детей. Всех сразу.
Поэтому не забудь захватить костюм.
Он еще пригодится на свадьбах,
Крестинах и похоронах.

Летом будет куча дней рождений,
Осенью — поступление в сад и ВУЗ.
Сколько осталось времени?.. Не волнуйся.
Мы успеваем убрать со стола
Помыть посуду и снова переодеться.

Потом место действия переносится в коридор.
Видишь? — стопочкой сложены книги:
Пока шнуруешь ботинки, почитай мне вслух
Любые двенадцать.

Я закрою дверь, и замочной скважине прочту стихи.
И замру на полу, поняв: мы так были заняты,
Что не успели заняться любовью.
Сосредоточившись, понимаю:
Успели.

Станет луковка смоковницей,
Молча встанет в изголовье.
Я была твоей любовницей,
Чтобы сделаться любовью.

Листья, падая, как новости,
Ощущаются спиной.
Я была всего лишь совестью,
Чтобы после стать вином.

Тело предоставь парению
От ствола. Лежи ничком.
Я твоё сменила зрение,
Став зрчком.

Давай поиграем, что ты — Модильяни,
Я — двадцатилетняя девочка Аня.
Запечатлевая черты,
Ты кистью ведёшь по бумаге, бумага
Плывёт в акварели и пахнет, как брага,
Как пахнут любые цветы.

Давай поиграем: ты вышел из дома,
А я подошла, тебя нет, неудобно, —
Но времени в принципе нет, —
И вот, обрывая французскую клумбу,
Курю между делом (спасибо Колумбу) —
Ну, где уже этот брюнет?

Ну, где желтобрюкий, несносный, несносный,
Его затащили дурацкие сосны...
Я небу — кулак и язык.
В окно все цветы, и цветы улетают.
Давай поиграем, давай поиграем,
Давай, ты азартный мужик.

Окно высоко, но какое мне дело:
Цветка улетает небесное тело
И доски паркета цветут.
А я все стою, ты несёшься навстречу,
И есть у нас планы на жизнь и на вечер —
В шестнадцать счастливых минут.

Стынет речка жизни в берегах

Дата рождения: 11 июля 1952 г.
Место рождения: с. Боочи, Онгудайско-го района, Алтайского края.

Образование: Государственный институт театрального искусства им А.В. Луначарского (актерский факультет по специальности: артист театра и кино).

Работал в Национальном драматическом театре им. П.В. Кучияк больше 20 лет.

В связи с открытием регионального телевидения работал в ГТРК «Эл-Алтай» телеведущим, тележурналистом, радиожурналистом, главным режиссером, заместителем Председателя по телевещанию. Снял первый на алтайском языке полнометражный телефильм «Слезы» по произведению И.Б. Шинжина на военную и послевоенную тематику.

Затем работал литературным консультантом в СП Республики Алтай.

С 2012 года продолжает работать актером в родном театре.

Занимается переводами как советской, так и зарубежной драматургии (Ч. Айтматова, Дударева и др.), последняя переводческая работа – это комедия Мольера «Лекарь поневоле».

Печатался в альманахах «Эл-Алтай», ежеквартальном литературно-художественном журнале «Мир Алтая», в антологии алтайской поэзии. Также переводит поэтов разных народов на алтайский язык. Член союза театральных деятелей (СТД) РФ, Союза журналистов и СП РФ. Заслуженный работник культуры Республики Алтай.

*До глубины души.
И горю я весь,
Пылая от любви,
Приди и потуши!..*

*Любви рожденье – в глазах твоих,
Родник любви – в душе твоей,
Нектар цветов – в твоих губах
Песнь любви – в моих устах.*

СОЛНЫШКО
*Улыбнулись друг другу
Солнце и я
Утром,
Ушла моя любимая
Как солнышко
Вечером...*

*На чистом, белом снегу
Наши первые следы,
Где же нынче мы...*

СЕРДЦЕМ - ГОРЕЛ

*Гениальным я не был,
И «звездой» не горел,
Я был просто человеком,
Но сердцем – горел.* 1980 г.

*Как последний выдох,
Как предсмертный вздох
Зимы
Падают мокрый снег,
Стараясь оставить
Свой пройденный след
На Земле...*

2016 г.

ОЗЕРО ЛЮБВИ

*Два влюбленных лебедя
В Увсу-Нуре – озере,
Любви как вечный символ,
Купались до зари.
Купались, окунались
В озере любви,
Окольцованные озером,
Озером любви.
Бывало, поднимались
В неба синеву
И касались крыльями
Красавицы Луны.
Пусть волны Увсу-Нура
Станут колыбелью.
И любовь их вечная
Хранится под луною.* 2015 г. Увсу-Нур, Монголия

*Лучше всех всю правду
Кто же скажет обо мне,
Что там радует меня,
От чего покоя нет
В глубине моей души?
Конечно, вы, мои стихи!
И судьбы моей все «прихоти»
И в зной, и в стужу пронесли,
Вы прошли по жизни вместе
Днем и ночью все пути.*

01.04.2020

*Лира, Муза, и Поэзия,
Это всё – моя душа...
Когда рядом вы со мною,
Жить могу я, не дыша!
Лира, Муза и Поэзия
И Мира рядом – звездочка моя,
Вы все в одном лице – моё светило,
Вы – созвездие мое!
Но в этой жизни, если можно,
Хотел бы я оставить людям
Частичку сердца своего,
Поэзию свою – как ваше отражение,
На белом листике – снегу
Родного края – Священного Алтая...* 09.12.1989

*Восток и Запад – это география.
Восток и Запад – это философия.
Восток и Запад – это небо и земля...
Друг без друга им никак нельзя,
Это два конца земли одной
И под общим Небом – крышею одной.* 12.03.2020

РЕЧКА ЖИЗНИ

*Стынет речка жизни в берегах
Над уставшею водой,
А в жилах стынет кровь густая
Как в березах сок зимой...
А туман над речкой стелется
Не видать ни зги,
Будто жизнь уходит в степи –
От меня вестей не жди...* 17.11.2019

*Листья шелестят –
О чем они говорят,
Мысли свербят –
О ком они молчат...* 08.06.2019

*Воды испив, обернулся конь назад,
Жизнь прожив, на пройденный путь
Оглянулся я назад.* 01.06.2019

*Как-будто в дальнем уголке
души моей
Ты пряталась
тайком,
Так до весны
Осенний желтый лист
В балконе прятался моем...*

1980 г.

*ПРИДИ И ПОТУШИ
Простужен я
Хладнокровностью твоей*

Очерки воспоминаний

Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

Лёха Халфин

Мария Леонтьевна написала о сыне рассказ «Игорь», но взяты характер у неё не получилось, а Крюков в своём лучшем рассказе «Дар Даймона» изобразил Лёху чрезвычайно удачно. Казаркин в повести «После нас» дал интересный образ пришлого нарушителя спокойствия в университетской студенческой среде, но прежде, к сожалению, уничтожил, а новое написал в ином духе. Внесу свою лепту – документальную, без претензий на итоги.

Алексей Дмитриевич был не Халфин, а Камбалов, но все звали его по матери-писательнице Халфиным. «Надо же, как нас мать родила, – удивлялся он, – брата в весенне равновесие, меня в осеннее!»

К ней он относился очень уважительно и рассказывал, что в 1937-м она пережила в НКВД пять ночных допросов за то, работая завбиблиотекой совпартшколы, забыла изъять книгу «врага народа» Бубнова, – обошлось, видимо, потому что бывшего наркома ещё не осудили.

Тёплую водку Лёха мог цедить маленькими глотками: «Мать однажды приходит из библиотеки злая: «Ты меня позоришь!» – она там, в Моряховке, алкоголиков обличала, а ей говорят: «Ты на сына посмотри, нам так не суметь: он в столовой водку пьёт, как чай, и пирожком заедает!»; «Мне в техникуме специально покупали бутылку, чтоб посмотреть, как я пью: я водку в тарелку налью, хлеба туда накрошу и сажусь в шахматы играть и ложкой прихлёбываю».

Рано женившись, он быстро и развёлся – как бы по политическим мотивам: «Галина пришла с собрания, им там в уши надули про Чехословакию, говорит: «И правильно сделали, что войска ввели», – я как дал ей в рожу!..»

В Страстную субботу 3 мая 1975 г. Зимин привёл его, подвыпившего, ко мне и познакомил, потом мы пошли через Томь к Евгению Михайловичу. На обратном пути Алексей рассуждал о культуре Великих моголов, об эффекте раннего Вознесенского, восхищался американским шахматистом Фишером, отказавшимся от матча с Карповым, рассказывал о Радеке и об Эрдмане в томской ссылке, прочёл басню Эрдмана «Однажды ГПУ Эзопа...» (лучший вариант), а когда добрались до трамвайной остановки на ул. Плеханова – развеселился и стал приставать к человеку бухгалтерского типа, который испугался и, безбородый, сказал: «Отца Леонида не обидь», – Алексей же радостно возопил: «Да у него полный портфель просвинок! давай их отберём!»

Позже Ирина показала ему мою фотографию, – и он вскричал: «Да он же пьёт! веди к нему!»

Летом 1977-го Алексей забрёл к теплице, в которой паслись местные инакомыслящие, спросил, где тут «стасы всякие» (это Стаса возмутило: «Лёха не мог обо мне так сказать!» Мог), – и ушёл. У теплицы он за три года появлялся раза три, но там, где чаю попить или что покрепче и вволю потрепать языком, не задерживался никогда, даже за порог не переступал. Он считал, что Стас и К° слишком раскрываются, и называл нас эксгибиционистами.

■ На снимке (слева направо) Алексей Камбалов (Халфин) и Николай Серебрянников.

Между тем шёл слух, что Лёха стучач: это чепуха, – он не желал встряпаться в чужое, но его отвязный язык клеил к нему всякую нечисть. Однажды я выходил из автобуса, а он входил и успел наскзать кучу новостей.

Из писателей он высоко ценил Кафку, а кумиром был Хайдеггер, но в СССР статьи чуждого коммунизму философа не издавались, и Лёха жаждал из там-сям встречающихся цитат Хайдеггера составить относительно связный текст. В университетской библиотеке он крал реферативные сборники, издававшиеся для ограниченного пользования, бесовственно вырывал из книг страницы («Да кому это ещё нужно?») и засовывал их в носки, а потом раздавал выдерки кому угодно.

В 1981-м Мария Леонтьевна отправилась жить в дом престарелых – как бы ради материалов для творчества – и оставила квартиру сыну: та была на первом этаже небольшого каменного здания из сада Буфф, и Лёха, уезжая, бесшабашно оставлял открытыми огромные форточки.

Вскоре он женился на женщине с ребёнком, с коим самозабвенно водился. Жена вырезала деревянные солонки, а муж их раздаривал.

В 1982-м его зацепили по делу о самиздате как знакомого с А.Ф. Ковалевским. На суде Лёха бодро отоврался. «Классический процесс устроили, – говорил он про «чернышёвское» дело, – всё как положено: и раскаявшиеся, и нераскаявшийся, и отказник, и одного в психушку поместили...»

Когда я заимел свою квартиру, Лёха бывал у меня на Каштаке. Ему вшили имплантант эспераль, чтоб опасался потреблять спиртное, и Лёхе нравилось сидеть среди пьющих, – он так заводился, что казалось, будто выпил больше всех.

Стас Божко полушутя представлял меня с Лёхой как крайности – славянофила и западника, но тот вряд ли

считал себя ортодоксальным западником и привёл ко мне католика-неофита Володю Дегтярёва, чтоб послушать классический спор западника и славянофила, однако Дегтярёв спорить со мной не стал (позже это знакомство отразилось на моей судьбе: через Дегтярёва и литовских диссидентов требование амнистии к 1000-летию Крещения Руси опубликовали на Западе).

По словам Александра Казаркина, на Лёху очень воздействовал Алексей Кубышкин, сын писателя, полусумасшедший с блёстками гениальности. У него Лёха позаимствовал ряд идей и среди них про «синдром Маугли» – что энкеведистов часто набирали из безродной и беспризорной шпаны, прошедшей чистку мозгов в колониях НКВД. Я пытался отыскать подтверждение этому в ведомственной периодике 1920-х – 1930-х, дабы потом опубликовать материалы в самиздате, придумал Лёхе псевдоним Г. Финн, его порадовавший, но ничего не нашёл.

Псориаз терзал его так, что, приходя к Мигалкину, он раздевался до пояса, брал со стола нож и начинал с удовольствием шоркать спину: «Меня Крюков спрашивает: «Почему Николай тебя Суллой зовёт?» «Потому что Сулла, как и я, страдал чесухой». Я сказал: «В отличие от того Суллы я могу тебя звать Суллой мифическим. Сокращённо: Суламифь». «Нет, – без обиды ответил он, – я с этой дамой ничего общего иметь не хочу».

Его прочная кличка была – Рыжий, уж больно рыжекожим он выглядел.

С женой он развёлся и квартиру матери поменял на меньшую в Студенческом пер. С бывшим пасынком Павлушкой дружески общался и после развода.

Как-то он позвал меня на калым класть мягкую кровлю в пионерлагере электротрампового завода. Нужно было ездить в село Калтай, и мы шли поутру к заводскому автобусу. Условьясь не приходить, если начнётся дождь, я, когда с неба полилось, на работу не пошёл, однако Лёха у проходной появился и обозлился. Назавтра он сказал: «Привет! как жизнь?» – и хрястнул кулаком в лицо, а я – будто по заповеди «кто в тебя камнем, ты в того хлебом» – въехал ему буханкой по голове (потрясло меня и то, что человек, изучавший ритуалистику, сначала пожал мне руку, а потом ударил). Мы повалились на асфальт и стали тузить друг друга, пока нас не растащили: «Вы что! взрослые мужики!..» Почему потом всё вошло в прежнюю колею, не помню.

В марте 1988 отмечали 80-летие М.Л. Халфиной. Лёху позабавили стихи, прочитанные Крюковым:

80! Вот-те на,
Мария Леонтьевна!

23 ноября она через сына пообещала мне привлечь Союз писателей помочь в установке мемориальной доски Ключеву, но умерла на следующий день.

Лёха передал её архив и часть вещей в школу Морьяковского Затона, заложив там основание музея Халфиной (в этом селе в 1949–1961 Мария Леонтьевна заведовала библиотекой)...

В полном объеме очерк читайте в одном из ближайших номеров журнала «Начало века».